
СТАТЬИ

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

О «РЕСТАВРАЦИИ» И «НИВЕЛИРОВАНИИ» ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

А.А. Ривлина

Ривлина Александра Абрамовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка при факультете менеджмента Государственного университета – Высшая школа экономики (г. Москва).

Контактный адрес: rivlina@mail.ru

В статье описывается усиливающаяся в последние годы тенденция к восстановлению и расширению связей заимствований с исходными единицами языка-источника как в плане формы, так и особенно в плане значения. Давление глобального английского языка также порождает расширение значений интернационализмов до их англоязычных аналогов. Данные явления определяются в статье как «реставрация» и «нивелирование» заимствований и рассматриваются как особый, обусловленный процессами глобализации и интернационализации вид калькирования.

Ключевые слова: глобализация английского языка, интернационализация языков, заимствование, семантическое развитие, калькирование.

Естественная антиномия глобального и локального в языке, стремления к взаимопониманию с мировым сообществом и отражению собственной национально-культурной идентичности, конвергенции и дивергенции в процессе языковой глобализации и интернационализации принимает форму сосуществования двух разнонаправленных трендов или тенденций в развитии заимствований. Основная тенденция заключается в адаптации иноязычных заимствований, что предполагает фонетико-акцентуальные изменения, грамматическую перестройку, разнообразные семантические трансформации, включающие лингвокультурные трансформации, приводящие, как правило, к полному усвоению, ассимиляция заимствованного слова, в результате чего оно уже зачастую не воспринимается носителями языка как заимствованное. Однако активизация международных контактов, рост объема информационных потоков, глобализация английского языка и усиление билингвизма приводят к тому, что в последние годы в динамике иноязычных, преимущественно англоязычных заимствований в разных языках мира, в том числе в русском языке усиливается противоположная тенденция, а именно тенденция к восстановлению, расширению и

усилению утраченных связей заимствования с исходным словом в языке-источнике или, если речь идет об интернациональной лексике, к ее сближению с иноязычными в основном англоязычными аналогами. Эту тенденцию можно определить как своего рода «реставрацию» и «нивелирование» заимствований (термины были заимствованы нами из работы В.В. Кабакчи о динамике развития ксенонимов, т. е. единиц инокультурной лексики [4]).

Наиболее очевидна тенденция к реставрации в звуковом облике заимствований. Традиционно считается, что, чем дольше чужое слово живет в принимающем языке, тем более оно подчиняется заимствующей фонетической и акцентной системе, находя в ней аналоги, тогда как более поздние заимствования, которые еще не «обжились», соответствуют языку-источнику. Но сегодня исследователи-русисты отмечают, что в контексте усиливающихся международных контактов у носителей русского языка, наряду с тенденцией к русификации, стало возникать стремление произносить слова, особенно имена собственные, так, как они произносятся в языке-источнике. Столкновение разнонаправленных тенденций порой дает два разных варианта заимствованного слова: один русифицированный и второй – как его назыв: Н.С. Валгина [2: с. 72], «сохранивший иноземное

лицо», а точнее, как представляется, «восстановивший иноземное лицо»; например, *маркетинг* => *мáркетинг*, *Ваши́нгтoн* => *Вáшингтон*, *Флoри́да* => *Флóрида*, *Дави́д* => *Д'эвид* (*Кóперфилд*), *Вильям* (*Шекспир*) => *Уилл* (*Смит*) и др.

Глобализация и интернационализация проявляются и через аналогичные процессы в самом английском языке. Как отмечает В.В. Кабакчи, в современном английском языке наблюдается процесс приближения написания и произношения ранее ассимилировавшихся ксенонимов к их оригинальному написанию и произношению, например, если обратиться к заимствованиям из русского языка: *копек* => *kopek*, *икаса* => *ikaz*, *Севастополь* => *Sevastopol*, *Архангел* => *Arkhangel'sk* [4: с. 170]. Этот процесс В.В. Кабакчи называет «ксенонимической реставрацией», отмечая, что, в первую очередь, ему подвержены имена собственные, так называемые «ономастические ксенонимы» [там же].

Как показывают наблюдения, тенденция к восстановлению и усилению связей с исходным языком в последние годы прослеживается не только в трансформациях внешнего облика ряда заимствованных слов, но и в динамике их семантического развития. Дело в том, что большая часть заимствований переходит в принимающий язык первоначально не во всей полноте лексико-семантических вариантов, а лишь в одном из значений. При этом заимствованное слово имплицитно содержит в своей смысловой структуре осознаваемые билингвами другие потенциальные лексико-семантические варианты по аналогии с семантической структурой исходной лексемы; они существуют в виде своеобразных семантических пустот, «ниш», «пустых клеток», которые в терминах теории лакунарности можно определить как «межъязыковые сегментные лакуны» (о теории лакунарности, в частности, о «внутриязыковых сегментных лакунах» [1: с. 123–125]). Закономерная лакунарность заимствований создает потенциальную возможность их семантического развития в сторону появления новых для принимающего языка, но существующих в исходном языке значений, другими словами, возможность заполнения такого рода лакун и «семантической реставрации» заимствований.

Примером семантической реставрации заимствования может служить эволюция слова *аутсайдер* в русском языке: будучи

первоначально заимствованным в качестве спортивного термина («спортсмен, не имеющий шансов на успех в состязании; скаковая или беговая лошадь, не являющаяся фаворитом»), это слово постепенно расширило сферу своего применения, приблизившись к основному значению исходного английского слова, обусловленному его внутренней формой, *outsider* (*out* – вне, *side* – сторона) – посторонний; лицо или группа лиц, не принадлежащие данному обществу, кругу, партии; неспециалист, любитель; отстающий. Ср.:

Ты родилась и жила под счастливой звездой, Я – аутсайдер, нищий изгой, жил всегда за чертой (группа «Крематорий», из песни «Аутсайдер»);

... бывший одноклассник был невзрачный, типичный аутсайдер, из тех, которых никто никогда не замечает, а молодой человек наоборот – был богато одет, лощён, представителен и очень хорошо выглядел (Даля Грускиновская, «Аутсайдеры»).

То, что данное значение заимствования *аутсайдер* является новым и пока еще сохраняет «привкус чужезычности» (по выражению Н.Б. Мечковской [5: с. 226]), подтверждает его активное метаязыковое комментирование говорящими, например:

слово «аутсайдер» можно перевести с английского как «посторонний», «вне данного круга». Этот термин начали применять в психологии для обозначения человека, который не может влиться в круг общения, оставаясь чужим среди своих. Считается, что статус аутайдера создается в подростковом возрасте, когда тинэйджер не может найти понимания у окружающих («Молодежь Эстонии», 2003).

Усиливающееся воздействие английского языка испытывают не только собственно англоязычные заимствования, но и довольно обширная группа интернациональных слов, т. е. слов, заимствованных разными языками, включая английский и русский, из одного источника, чаще всего из классических языков, или последовательно друг из друга. Так, слова *идеология* и *философия* в русском языке сегодня значительно расширили сферу функционирования, приблизившись по объему значения к соответствующим этимологически родственным, или «когнативным» словам в английском языке. Традиционно, по мнению П. Палажченко, слова *philosophy* и *ideology* у англичан и американцев несут более широкие, прагматичные, «заземленные» коннотации в

соответствии с особенностями англосаксонских философских традиций, тогда как для русскоязычного восприятия характерно более «возвышенное» их восприятие [6: с. 217]. Пособия по теории и практике перевода обычно предупреждают о необходимости лексической замены в контекстах типа *the philosophy of this project – философия данного проекта* или *the ideology of this project – идеология данного проекта*, предлагая в качестве варианта более «спокойный» перевод – *концепция данного проекта* [там же]. Однако анализ использования данных терминов в современном русскоязычном публицистическом дискурсе указывает на развитие аналогичных «приземленных», расширенно-переносных значений у данных слов и в русском языке. Ср.:

... в задачи совета входит в первую очередь выработка идеологии пенсионного обеспечения на новой основе («Независимая газета», пример, из [2: с. 85]);

свердловские школьники на занятиях по биологии следят, как меняется философия питания... (новости НТВ, 2007); или, встретившиеся на различных сайтах сети Интернет выражения философия дизайна, философия пятизвездочного уровня жизни, идеология интернет-сайта (принцип построения сайта), идеология ведения бизнеса и т. п.

Очевидное сближение с англоязычным аналогом демонстрирует семантическое развитие глагола *артикулировать*, который до недавнего времени использовался в русском языке преимущественно в языкознании, где *артикуляция* понимается как «работа органов речи для произнесения звука». В английском языке глагол *to articulate*, помимо собственно лингвистических контекстов, широко используется в обычной речи в значении «ясно выражать(ся), последовательно и внятно формулировать, излагать мысли», например: *to articulate one's anger (grievances, distress)* – «излить свой гнев (недовольство) в словах». Именно это новое для него значение демонстрирует русский глагол *артикулировать* в следующих примерах, ср.:

... мы стали более внятно артикулировать наши внешнеполитические интересы; ... когда мы артикулируем свои национальные интересы, это вызывает странную реакцию, вплоть до обвинения России в имперских амбициях (из выступления министра обороны России С. Иванова, 2008);

Молодые люди не всегда умеют четко артикулировать свои желания... («Джой», 2006); и т. п.

Налицо постепенная детерминологизация глагола и расширение его семантики в направлении заполнения сегментной лакуны, выявляемой в дихотомии английского *to articulate* и русского *артикулировать*.

Схожие наблюдения по поводу когнативных слов приводит в своей статье В.В. Кабакчи. Он пишет: «... "гуманитарными" вплоть до последней четверти прошлого века в русском языке могли быть только академические предметы, а сейчас говорят о "гуманитарной помощи"». Шовинизм был синонимом слова национализм, а теперь русские последовательницы американских феминисток говорят о «мужском шовинизме» (дискриминация женщин по половому признаку; впрочем, теперь – по «гендерному признаку») [4: с. 171]. В.В. Кабакчи определяет данное лингвистическое явление как «семантическое нивелирование» полионимов-когнатов и обращает особое внимание на то, что в русском языке многие когнативные лексемы, которые раньше являлись ксенонимами, т. е. обозначали инокультурные реалии, перестают быть таковыми: «... вместо идионима «техникум» стали употреблять англицизм «колледж» (хотя ранее в русском языке уже был ксеноним «коллеж»). Во главе города теперь стоит «мэр» или «губернатор» [там же]. Еще один пример: как пишет П.Р. Палажченко, «...под влиянием не столько языка, сколько западной (в данном случае американской, что нередко синонимично) культуры меняется смысл слова *ресторан*: раньше оно обозначало только дорогостоящий общепит («Прага», «Арагви» и т. п.). Теперь, как и у них (*Macdonald's restaurants*), у нас в это понятие стали включать и скромный «Ростик'с» [7: с. 116]. Это лишь некоторые из примеров, их перечень можно было бы продолжить.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что семантическую реставрацию собственно англоязычных заимствований и семантическое нивелирование интернациональных слов-когнатов можно рассматривать как, по сути, единый процесс, обусловленный глобализацией английского языка. Для говорящих не важно, пришло некоторое слово непосредственно из английского языка, или является интернациональным вследствие более далекого этимологического родства; ситуация усиливающего воздействия глобального английского языка обуславливает расширение семантики заимствований до семантической модели их англоязычного аналога.

Как «семантическую реставрацию» и/или

«семантическое нивелирование» можно определить и неоднократно отмечавшиеся в специальной литературе инновации в коннотациях прилагательных *амбициозный* и *агрессивный*. Уже много писалось о том, что раньше эти прилагательные в русском языке обозначали только отрицательно оцениваемые качества (ср.: по С. Ожегову *амбиция* – «обостренное самолюбие», «спесивость», «чванство», *агрессивный* – «наступательно-захватнический», «враждебный», «вызывающий»), тогда как в английском языке слова *ambitious* и *aggressive* имеют и положительные значения – «стремящийся к успеху» и «активный, решительный», соответственно. В пособиях по переводу (в частности, [3: с. 168; 6: с. 142–143]) они традиционно трактуются как «ложные друзья переводчика», подлежащие лексическим заменам типа *an ambitious project* – «очень перспективный проект», *he is very ambitious* – «он стремится сделать блестящую карьеру», *he is not aggressive enough* – «ему не достает хватки» и др. Сегодня эти слова все чаще используются в русском языке нейтрально или даже в положительном ключе, как в английском языке, особенно в сфере бизнеса, например, *aggressive marketing strategy* – «агрессивная стратегия сбыта» [6: с. 142], но не только, ср.:

я буду агрессивно поддерживать любого кандидата в президенты с центристской программой (из выступления Ю. Лужкова, 2004);

у песни хорошая агрессия... Ритм в песне жесткий, она агрессивна, но агрессивна по-хорошему с музыкальной точки зрения... (из интервью О. Газманова, 2006);

Достижение лидерства в энергетике – это амбициозная задача (из выступления В. Путина, 2007);

... нам, людям амбициозным (в хорошем смысле этого понятия), желающим оставить свой след в профессии, в бизнесе и в жизни, даны в руки все карты, чтобы ставить новые смелые задачи и их выполнять («Самара сегодня», 2005) и т. д.

И наоборот, нейтрально или положительно маркированное заимствованное прилагательное *креативный*, синонимичное русскому прилагательному *творческий* (*креативный* / *творческий директор*, *креативная* / *творческая личность*), а также его производные в последнее время стали использоваться в новом для русского языка отрицательном значении «увеливающий, лавирующий, скользкий», как в

английском *creative accounting* – «умение выгодным для себя образом, но без очевидного нарушения закона подогнать бухгалтерскую отчетность». Ср.:

недостатки популярности приходится восполнять напором креативности... («Комсомольская правда» о выборах на Украине, 2004);

Кто сказал, что это подлый плагиат? Это креативная защита! (К. Эрнст в обсуждении замены ведущей передачи «Женские истины» Оксаны Пушкиной на Татьяну Пушкину).

Отвлекаясь сейчас от лингвокультурологической трактовки указанных семантических инноваций (мы подробно писали об этом в [8; 9] и других работах), подчеркнем еще раз, что толчком к развитию новых значений во всех описанных случаях послужила активизация межъязыковых контактов и увеличение количества носителей русского языка, которые знакомы со значениями и использованием аналогичных слов в английском языке и, соответственно, подсознательно стремятся перенести контексты их функционирования в русскоязычный дискурс, т. е. пытаются нивелировать семантические расхождения, заполнить межъязыковые семантические лакуны и реконструировать семантическую структуру заимствований по модели эквивалентов из английского языка.

На пути сближения с английским языком возможны лингвистические казусы. Нам встретился контекст, в котором говорящий попытался расширить употребление давнего заимствования *канал* и образовать от него новые дериваты по аналогии с английским словом *channel*, ср.:

необходимо канализировать негативные эмоции... Такая канализация очень важна для психологического баланса человека... (из выступления О. Свибловой, канал ОРТ, 2004).

Английский производный глагол *to channel* означает «направлять, распределять, давать направление, давать выход». Однако в данном случае перенос англоязычной семантико-деривационной модели оказался неприемлемым не только потому, что в результате возникла курьезная омонимия отглагольного существительного с другим русским словом, *канализация* – «система сточных вод» (хотя необходимо признать, что *канализация* в значении эквивалентном “channeling”, используется в физике), но и потому, что существует, хотя и не однословный, но вполне стандартный и нейтральный переводческий

вариант *to channel* – «давать выход (чувствам, эмоциям)», который выступающая, скорее всего, сформулировав эту мысль про себя с использованием иностранного слова, просто не смогла быстро подобрать.

Семантическая реставрация/ семантическое нивелирование заимствований прослеживается в ходе языкового контакта также и в современном английском языке, хотя там это явление не столь распространено и очевидно. Например, заимствованное из русского языка слово *babushka* при адаптации в английском языке приобрело новое значение – «головной убор, платок». Во многих англоязычных словарях оно занимает первое место в перечне значений данного слова, а в некоторых словарях, например, *The American Heritage Dictionary*, выступает как единственный лексико-семантический вариант. Но в последнее время исходное значение заимствования *babushka* вновь выходит на первый план в его семантической структуре и даже становится основой для новых дериватов, таких как зафиксированное в *The Longman Register of New Words* слово *babushkaphobia*. В.В. Кабакчи также считает, что под влиянием русского языка получили новые значения английские слова *norm* и *liquidate*: первое – «норма выработки», второе – «уничтожить» [4: с. 171].

Языковой механизм, который лежит в основе семантической реставрации и семантического нивелирования, подробно описан в теории языкового контакта: это механизм семантического заимствования или семантического калькирования, которое Г. Пауль определял как «воздействие на внутреннюю структуру слова». Усиление межъязыковой и межкультурной коммуникации вызывает активизацию и собственно лексических заимствований, и семантических заимствований, при этом воздействие на внутреннюю форму испытывает как собственная лексика заимствующего языка (см. примеры калькирования значений англоязычных аналогов русскими лексемами *челночный*, *ящик* (= *телевизор*) [5: с. 227], *вызов* (как в «угрозы и вызовы») [9] и др.), так и, как показано выше, целый пласт ранее заимствованной лексики. В последнем случае можно говорить о «семантической реставрации» и «семантическом нивелировании» как об особом виде семантического калькирования.

О реставрации и нивелировании семантики отдельных лексем, очевидно, можно говорить и в случаях калькирования устойчивых словосочетаний: сегодня в процессе

межкультурной коммуникации говорящие все чаще делают выбор в пользу калькирования вместо перевода, на что порой сетуют профессиональные лингвисты и переводчики, но что является абсолютно неизбежным в контексте глобализации и интернационализации. Так, в русском языке закрепилось выражение *политически корректный*, несмотря на многочисленные ранее предлагаемые варианты перевода типа *общественно приемлемый*, *идеологически выдержанный* и др., что значительно расширяет смысл прилагательного *политический* в русском языке, сближая его с английским *political*. В английский язык также проникают все более многочисленные кальки из других языков. Например, при описании ситуации в России по аналогии с русским оборотом *в погонах* стало использоваться выражение *werewolves in uniforms*, хотя в английском языке есть близкие по значению *rogue policemen* или *police turncoats* [7: с. 168; 186].

Возвращаясь к вопросу об антиномии глобального и локального в языке, необходимо отметить, что глобализация английского языка как основной фактор, влияющий на развитие и состояние всех современных языков мира, проявляется через множество разнообразных явлений и разнонаправленных тенденций, все чаще объединяемых в рамках так называемой «глокализации» («глобализация» + «локализация»). Центростремительные и центробежные силы, обуславливающие конвергентно-дивергентные процессы в языке, находятся в состоянии динамического равновесия, и усиление на определенном этапе одной из тенденций, как правило, приводит к активизации противоположно направленной тенденции, сдерживающей темп первой. В частности, заимствуемые единицы, попадая в иноязычное окружение, с одной стороны, адаптируются к нему и могут уйти достаточно далеко от исходного прототипа, но в то же время, отражая потребность говорящих во взаимопонимании с глобальным сообществом, способны на определенном этапе обнаружить склонность к воссозданию структуры исходной лексической единицы, если не целиком, то, по крайней мере, более приближенно к ее объему в языке-источнике. Интенсификация реставрации и нивелирования заимствований как в плане произношения и написания, так и в семантическом расширении по аналогии с иноязычными эквивалентами (причем зачастую не только в местных языках по аналогии с

английским, но и в самом английском языке), на наш взгляд, сегодня в значительной степени определяет то, что называется «языковой вкус эпохи» (по выражению В.Г. Костомарова).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Быкова, Г.В.* Лакуарность как категория лексической системологии / Г.В. Быкова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – 364 с.

2. *Валгина, Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.

3. *Виссон, Л.* Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур = Where Russians Go Wrong in Spoken English: Words and Expressions in the Context of Two Cultures / Л. Виссон. – 3-е изд., стереотип. – М.: Р. Валент, 2005. – 152 с.

4. *Кабакчи, В.В.* Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция (опыт моделирования языковой картины земной цивилизации) / В.В. Кабакчи // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч. 2. Текст и перевод в когнитивном аспекте: сб. статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной / отв. ред. Н.А. Абиева,

Е.А. Беличенко. – СПб.: Тригон, 2005. – С. 164–175.

5. *Мечковская, Н.Б.* История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию / Н.Б. Мечковская. – М.: Флинта, 2009. – 584 с.

6. *Палажченко, П.Р.* Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика / П.Р. Палажченко. В 2 т. Т. 1. – 8-е изд., стереотип. – М.: Р. Валент, 2008. – 304 с.

7. *Палажченко, П.Р.* Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика / П.Р. Палажченко. В 2 т. Т. 2. – 2-е изд., испр. – М.: Р. Валент, 2009. – 248 с.

8. *Ривлина, А.А.* Глобализация английского языка в русскоязычном культурном контексте / А.А. Ривлина // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: теоретический и методологический аспекты: материалы науч.-практ. конф. (Благовещенск, 16 апреля 2007 г.). Ч. 2. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. – С. 162–169.

9. *Rivlina, A.* Threats and challenges: English-Russian interaction today / A. Rivlina // World Englishes. Vol. 24. No. 4. – Oxford, UK and Boston, USA: Blackwell Publishers, 2005. – pp. 477–485.